

УДК 316.6
ББК 88.5

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ МЫ-ИДЕНТИЧНОСТИ

Н.А. Моисеева

В статье рассмотрен процесс формирования российской мы-идентичности. Показаны особенности российской идентификации по государственно-правовому и социокультурному принципу.

Ключевые слова: *идентичность, формирование идентичности, социализация, деидентификация, национальный характер.*

Изменение общественного строя на территории СССР и в странах Восточной Европы на рубеже 80–90-х годов XX века привело к глубоким трансформациям не только в сфере экономики и государственно-политического устройства, но и в духовно-культурной сфере: прежняя система ценностей и моральных принципов была разрушена, что обусловило – вместе с созданием рыночно-потребительского общества – *кризис социальной и культурной мы-идентичности*. Если социокультурную идентичность рассматривать как самосознание (или осознание) обществом своего внутреннего единства, выработанного на основе корреляции человеческой общности с теми ценностями, нормами и идеалами, которые были выработаны народом в своей истории – на пути к национальному и гражданскому становлению, то современную общественную ситуацию в России можно определить как разрушение данной идентичности через форсированное навязывание обществу приоритетов массовой культуры, ценностей и норм потребительского образа жизни.

Обесценивание прежних культурно-нравственных ценностей, таких как коллективизм, взаимопомощь, социальная справедливость, гуманизм, вызвало в общественной среде и в сознании людей деморализацию, безнадежность, апатию, ощущение собственного бес-

силы, утрату веры в будущее. К этим деформациям сознания привело снижение жизненного уровня большинства населения, ставшее результатом «разгосударствления собственности» и либеральных рыночных реформ. Обозначился рост маргинализма, социального отчуждения, что, в свою очередь, стимулировало усиление пьянства, наркомании, преступности и других проявлений социальной и культурной аномии.

Все это подтверждает мысль о том, что «кризис идентичности наступает под влиянием серьезного социального кризиса, когда происходит распад идеалов и ценностей, находящихся в основе прежнего социума» [3, с. 141]. Вместе с тем обнаружилась огромная роль самоидентификации человека в обществе: именно угроза разрушения идентичности заставляет людей «принимать новые ценностные ориентации, позволяющие осваивать новые для себя социальные роли в изменившемся социуме, осознавать возникающие связи с государством, политическим режимом, с социально-политическим строем в целом» [там же].

Однако явное запаздывание формирования мы-идентичности в современной России позволяет предполагать, что здесь дело не только в принятии новых ценностей и новых социальных ролей, но в трансформации глубинных «пластов» социума и культуры. Сама по себе адаптация населения к рынку не могла стать основой формирования новой социально-культурной идентичности. Произошли только изменения социальной структуры, ко-

торые сами по себе не формируют новые параметры идентичности. Поэтому возникает необходимость более конкретного рассмотрения тех факторов, которые обеспечивает восстановление столь необходимой для нашего общества макроидентичности. Эта проблема является актуальной именно потому, что ее нерешенность «держит» общество в состоянии перманентного кризиса, оказывается фактором, препятствующим формированию установки населения на инновационное развитие страны.

Формирование мы-идентичности – это выход общества на уровень его целостности, приобретение им качества субъекта, способного определить свою позицию по отношению к внешней реальности и к собственной общественной жизни. Поэтому все более частные уровни идентичности – гражданской, этнической, социально-классовой и даже культурной (в плане культурных потребностей различных социальных групп и слоев) входят в «состав» мы-идентичности и приобретают там свое собственное соизмерение и статус. Наша гипотеза состоит в том, что наиболее полно «представляет» мы-идентичность ее социально-культурная форма, которая удерживает соотношение со спецификой российского менталитета и национального характера. В этом плане социокультурная идентичность, которая «узнается» населением страны, выражает соотношение внутреннего и внешнего: социокультурная сфера приобретает функцию выражения мы-идентичности потому, что соотносится с внутренними факторами бытия народа – его менталитетом и национальным характером. И блокирование такой связи резко ослабляет возможности формирования социокультурной идентичности, поскольку сохраняется массивное воздействие как внешних факторов (цивилизационное, технологическое и др.), так и внутренних – прежде всего, рыночной среды и ее ценностей. Не случайно сегодня социокультурная идентичность подменяется стереотипами массового общества, которые формируются массовой культурой на собственной индустриальной основе.

Но ситуация с российской макроидентичностью включает еще ряд факторов. Во-первых, разрушение традиционных ценностных институтов в России в процессе осуществле-

ния либерально-модернизационных преобразований не сопровождалось появлением равноценных новых институтов, а прямым следствием этого разрушения стал раскол социального сознания и деградация национального характера. В результате, как показывают проводимые РНИСиНП социологические исследования, выделились три группы ценностного сознания, каждая из которых прямо не направлена на обретение мы-идентичности, а потому и подвержена риску кризиса. Это – носители индивидуалистической системы ценностей (20–22 %), представители традиционной системы ценностей (45–47 %), группа с противоречивым типом ценностного сознания (30–35 %) [4, с. 73]. Во-вторых, необходимо учитывать также воздействие процесса глобализации, в котором международные стандарты и требования начинают во многом определять жизнь конкретных обществ на региональном уровне.

Утрата мы-идентичности проявляется в различных формах. Это и отсутствие общественного самосознания, и значительное ослабление таких ценностей и регуляторов социального поведения, как чистая совесть и честность, коллективизм, социальная взаимопомощь и др. Эти принципы перестают соответствовать новой реальности, в результате чего происходит как бы внутренний распад социальной сферы, ее «атомизация», что воздействует и на статус культуры, снижая масштабы и глубину ее воздействия на общество. По-мнению некоторых авторов, «современная Россия существует как неопределенная совокупность людей, которые в большей степени объединены только территориально и имеют слабую связь между национально-культурной идентичностью, смутно представляя будущее своего развития» [3, с. 188].

Можно предположить, что главными причинами деидентификации стали:

- распад коллективной памяти и утрата веры в общее будущее;
- чувство неполноценности относительно более совершенной культуры, жесткое вытеснение из российской действительности традиционных ценностей и замена их прозападными ценностями (и в то же время наличие остаточных явлений патерналистских ожиданий по отношению

- к государству и обществу, восходящих к идеалам советской эпохи);
- колоссальный социальный сдвиг от общества интенсивного труда к обществу интенсивного потребления и повышенный спрос на «индустрию досуга»;
- жесткая социальная дифференциация, закрытость элит и развитие в обществе «внутренней эмиграции»;
- материальные трудности и снижение социально значимых мотиваций;
- утрата ведущей роли традиционных профессиональных, профессиональных, семейных институтов и межпоколенческая конфронтация (в более мягком варианте – отчуждение);
- возникновение контркультурных и протестных молодежных движений; и др.

Еще одним важным фактором можно считать искажение процесса социокультурной идентичности за счет снижения функции социализации таких социальных институтов, как семья, образование, культура. Отсюда – появление феномена «размытой идентичности», который проявляется, с одной стороны, в признании ценности таких понятий, как Родина, Держава, Россия, а с другой – в ориентации на ценности и культуру западного общества.

Таким образом, мы можем констатировать, что произошло кардинальное изменение сознания современного российского общества, обусловленное существенными изменениями общественной системы и ее внутренней среды. Но это привело к разрастанию социальной аномии, фрустрациям, с одной стороны, и росту радикального национализма – с другой. Вообще, в зависимости от трактовки мы-идентичности, по-разному может рассматриваться и национальная идентичность России – как по государственно-правовому, так и по социокультурному принципу. В данном контексте в сегодняшней России четко прослеживаются две социальные ориентации. Это, во-первых, усиление национальной идентичности в форме национализма; во-вторых, ослабление идентичности в форме деидентификации с разрушением всех прошлых принципов общероссийской национальной идентичности. Здесь особенно актуальным становится поиск современной формы макроидентичности – единства российского «мы». В данном контексте как

никогда необходимы поиски новой идеологии и определение национальных интересов.

В современной России систематическое разрушение институтов советского общества сыграло решающую роль в процессах деидентификации, в разрушении образа «своего». Но утрата идентичности должна предполагать некую реабилитационную работу – восстановление целостного и упорядоченного мира, пусть даже он будет другим, поскольку наличие целостной и устойчивой системы ценностей есть залог как национального равновесия, так и мира международного. Еще философы русского зарубежья писали, что отвлеченно человеческой, всечеловеческой ни история, ни что-либо в истории быть не может, поскольку оно всегда является конкретно человеческим, национальным и только в таком качестве восходящим до общечеловеческого. Как утверждал Н.А. Бердяев, есть только один исторический путь к достижению единства человечества, это путь национального роста и развития.

С другой стороны, чувства сопричастности судьбе нации и тревоги за ее будущее, которые были присущи ситуации надлома, кризиса, выливаются в России в обостренное чувство национализма. В подобных ситуациях национализм имеет ясно обозначенную «функцию». Он может «быстро обеспечить идентичность в период резких перемен; он может мотивировать людей на работу ради дальнейших перемен, он может обеспечить базовые установки в таких сферах, как создание современной системы образования и стандарт национальной культуры» [1, с. 35].

Идентификация себя с национальными архетипами есть форма бытия национального в нации и национального отношения к ней как к нации. Но из истории известно, что национализм может принимать явно негативный характер. Причиной этому, как представляется, может послужить постановка акцентов идентичности не на общности нации, а на национальности (этнотипе), то есть не в области «духа», а «крови». Нация является цивилизационным уровнем развития и в основе своей опирается на культурную и духовную идентичность. И в это пространство идентичности входят разные этносы, между которыми имеются значительные различия. Для России это

имеет первостепенное значение, так как многие этносы, не являясь автохтонами для русской национальности, тем не менее, стали частью российской нации, россиянами, идентифицируя себя с Россией, сливаясь с русской историей. В связи с этим следует помнить, что практика фашизма идеологически обеспечивалась именно этническим национализмом, национализмом крови и избранности происхождения: от избранных предков, избранного этноса и избранной расы.

В современной Европе пропагандируется принцип единых политических наций, объединяющих людей различной этнической принадлежности принадлежностью к единой европейской цивилизации. Это значит, что для устойчивости общества, его внутреннего единства статус европейской цивилизации и вхождение в нее определенной страны с ее народами оказывается более высоким, чем конкретные параметры автономности этносов. Следовательно, чем выше «планка» идентичности, тем это более предпочтительно как для самой страны, так и для международной жизни. Поэтому и на постсоветском пространстве статус этнической идентичности должен быть включен в более высокий уровень – российской социокультурной (и гражданской) идентичности. Сохранение установки на этническую автономность – прежде всего на Северном Кавказе – порождает конфликты, ведет к ослаблению целостности страны и выступает угрозой для ее геополитического пространства. Суть дела в том, что выживание и реальная самостоятельность этнических республик в современном мире могут быть обеспечены только в составе России, на основе федеративного устройства и общегражданского самосознания, на основе самосознания общей исторической судьбы. Без этого условия этнические сообщества будут поглощены другими странами, а потому судьба этих этносов, их собственное развитие не могут быть гарантированы. Таким образом, общероссийское национальное самосознание, ориентированное на целостность страны, является фактором формирования мы-идентичности, а этнический национализм ведет к распаду и разрушению российского общества.

Показательно, что американский профессор С. Хантингтон особенно важным при-

оритетом для своей страны считает общенациональное самосознание. В своей книге «Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности» он утверждает, что идентичность американцев варьировалась на протяжении всей истории США, приобретая формы «субнациональные, двунациональные и транснациональные». Трагические события 11 сентября 2001 года вернули Америке ее идентичность. «До тех пор пока американцы считают, что их стране угрожает опасность, национальная идентичность остается весьма высокой» [5, с. 15]. К факторам, формирующим американскую идентичность, он относит среди прочих идеологию и культуру [там же, с. 16]. Несомненно, что и в России для преодоления последствий кризиса в социальном и политическом пространствах должно быть уделено достойное внимание проблемам восстановления идеологической и социокультурной системам координат, строящихся в пространстве поля макроидентичности.

Однако национальная ориентация, как установка на внутреннюю целостность общества, сегодня не обеспечивает (точнее – не завершает) формирование мы-идентичности. Как это ни парадоксально, именно требования глобализации – подчинение региональных систем международным нормам – оказывается тем «вызовом», ответ на который внутренне связан с формированием мы-идентичности. Усиление воздействия международных норм и требований означает формирование нового типа партнерства – между регионами и планетарным сообществом, то есть между отдельными странами и формами международной интеграции. Именно реальность такого партнерства «вводит» отдельные страны в пространство современности, с одной стороны, а с другой – обеспечивает и международное сотрудничество на многополярной основе, поскольку каждая страна выступает не только субъектом и проводником международного разделения труда, но и источником вносимых в мир инноваций. Страны, которые существуют изолированно (например, Северная Корея), постоянно испытывают экономические и технологические трудности, что предопределяет невысокий уровень жизни их населения, установку на собственные «преимущества» перед другими странами, а в итоге –

продуцируют собственное отставание. Здесь идентичность основана на идеологическом монополизме, централизме руководства, на поглощении личности коллективом.

Для России такой вызов глобализации требует самоопределения именно в рамках мы-идентичности, так как это обеспечивает не только формы международного партнерства, но и понимание миссии страны в международном пространстве современности и будущего, ее ответственности за решение глобальных проблем, за сохранение устойчивости планетарного социума и культуры. С другой стороны, этот внешний глобальный вызов требует ответа на вопросы: что такое сегодня Россия как субъект не только для внешнего мира, но и для себя? Какую ценностную, духовно-культурную самобытность Россия представляет и сохраняет? Какие инновационные предложения она может сформировать на основе такой самобытности? В чем состоит миссия России в мире?

Выявить себя в международном пространстве как нечто целостное на уровне мы-идентичности Россия может через максимально емкую и универсальную форму своего бытия – специфику созданной цивилизации. В России сформировался *свой культурно-цивилизационный универсум*, представляющий страну как посредника между мирами – «Запад – Россия – Восток». Находясь между центрами западной и восточных цивилизаций, Россия геополитически объединяла пространство, находящееся между основными векторами развития мировой истории. Она выступала, по мысли В. Соловьева, «великим собирательным существом», столетиями вбирая в себя ценности и нормы этих культурных пространств. Цивилизационная специфика исторического пространства российской Евразии стала исторической судьбой России, – тем особым жизненно важным социально-культурным «ядром», в соотношении с которым концентрировались все цивилизационные потоки российской Евразии. Россия через свою внутреннюю целостность и особенности создавала и осваивала геокультурное (экономическое, политическое и др.) пространство между Западом и Востоком, формируя собственную цивилизационную «матрицу».

В рамках этой целостности всегда удерживался русско-российский культурный «про-

ект», по-своему связывающий духовное и материальное, сакральное и профанное, попадая в ситуации раскола и конфликта, революций и бунтов и вместе с тем – вырабатывая свои духовно-нравственные ценности, принципы коллективизма и справедливости и др. Это сохранялось, несмотря на постоянные заимствования Россией культурных инноваций как Европы (Запада), так и Востока.

Сегодня важной задачей становится перемещение этой глубинной основы на статус общего регулятора российского общества, что тесно связано с формированием мы-идентичности: именно возникновение последней обеспечивает социально-культурное и идейно-мировоззренческое «наполнение» евразийского пространства, которое, в свою очередь, обеспечивает устойчивость и нормативность этого уровня идентичности, достижение которого может стимулировать движение к гражданской, национальной и другой форме идентичности.

Однако всплывает важная проблема: какими ценностными, культурными и другими сторонами жизни нашего общества можно усилить воздействие фактора евразийства на процесс формирования идентичности страны в современном контексте? Здесь, как можно предполагать, открывается несколько направлений. Во-первых, важным становится «перепрофилирование» ценностей и символики, самого потенциала евразийства на условия и формы реализации социальных и культурных коммуникаций, существующих в современном российском обществе. Это открывает возможности «наполнения» коммуникационных потоков символическими и ценностными проявлениями национального характера, что значительно усиливает интегративную функцию социокультурной сферы общества.

Во-вторых, значительный ресурс открывают ценности и установки патриотизма, направленного не на политические, воспитательные или другие частные аспекты (или стороны) жизни нашего общества, а на раскрытие для общества качества самого его бытия, то есть осознание людьми той опасности, которая становится катастрофической для страны, если необходимая сегодня мы-идентичность не будет сформирована.

В-третьих, значительного прояснения требует характер самих межцивилизационных отношений как нового вида международного партнерства, корректирующего и внутренние процессы в стране – от политических и экономических до культурных и экологических. Поскольку такое партнерство выступает формой связи (то есть посредничества) между внешней средой и внутренней жизнью для любого общества, необходимо осмысление тех новых норм и стандартов, которые коррелируют здесь региональное и глобальное. Эта проблема сегодня становится важной стороной международной политики, включая и политику реализации межкультурного сотрудничества. Не случайным в этом контексте оказывается разработанный ЮНЕСКО еще в 1998 году для решения проблем защиты культурной идентичности и развития национальных культур междисциплинарный проект «На пути к культуре мира», в котором особое внимание обращалось на необходимость сохранения поликультурности современного мира [2]. Сегодня становится все более ясным, что эта проблема непосредственно связана с развитием сферы межцивилизационных отношений.

Таким образом, формирование российской мы-идентичности является ключевым условием для решения многих проблем социального, экономического, культурного и другого характера. Если наше общество будет интегрировано в форму общего коллективного субъекта, способного выработать свои позиции по разным социально важным вопросам, тогда будет решена проблема гражданского общества, партнерства между обществом и государством, между Россией и другими цивилизациями. Но для этого общество должно приобрести качество мы-идентичности как исходной и глубинной позиции своего существования. В этом плане нельзя не согласить-

ся с утверждением американского социолога Э. Шилла, что гражданское общество существенно отличается разделяемой системой ценностей и коллективным самосознанием. Необходимым условием существования общества является осознание его членами своей принадлежности к данному обществу как целому [6, с. 163]. В свете сказанного можно считать, что актуальность проблемы формирования российской мы-идентичности и ее социальная востребованность будут возрастать. И поскольку эта тема уже «поставлена на счетчик времени» в нашем обществе, то ее решение должно стать объектом внимания не только ученых, но и общественности, и властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев, И. М. Теории национализма: анализ современных зарубежных концепций : монография / И. М. Мусаев. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 141 с.
2. На пути к культуре мира : проект ЮНЕСКО. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://grani.agni-age.net/articles/unesco.htm>. – Загл. с экрана.
3. Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Р. Чагилов. – Невинномысск : НГГТИ, 2010. – 474 с.
4. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. слов. / редкол.: М. П. Мчедлов [и др.] ; авт. коллектив: А. Л. Андреев [и др.]. – М. : Республика, 2001. – 544 с.
5. Хантингтон, С. Кто мы? : вызовы американской национальной идентичности : пер. с англ. / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2008. – 635 с.
6. Шилл, Э. Власть и ценности / Э. Шилл // Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 162–165.

WE-IDENTITY DEVELOPMENT IN MODERN RUSSIA

N.A. Moiseyeva

The problem of Russian We-identity development is considered in this article. The process of identification is viewed as including the state, legal and social and cultural principles.

Key words: *identity, identity formation, socialization, de-identification, national character.*